

О ПРИЧИНАХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК**О.В. Кобзева***Высшая школа перевода, г. Пиза, Италия
olgakobzeva80@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются причины переводческих ошибок, совершаемых при изучении русского языка как иностранного в итальянской аудитории. Исследуются отношения между знаком и интеллектуальной операцией, которые лежат в основе переводческого решения. В связи с этим особое внимание при анализе причин уделяется вербальному знаку, а ошибка рассматривается с точки зрения психолингвистики. Знак, как цепочка означающих, может порождать в акте мышления серию ассоциаций, как связанных, так и не связанных с означаемым, и как внешний раздражитель активизирует работу бессознательного. Бессознательное встраивается в работу мышления и участвует в мыслительном акте наряду с сознанием, порождая внутренние связи на основании впечатления и личного опыта переводчика со словом, что и приводит к ошибочному пониманию лексемы в контексте. Работа бессознательного очевидна при переводе текста с родного для студента языка, итальянского, на неродной – русский. И поскольку родной язык – это привычные неосознаваемые языковые знания и речевые навыки, или “competence” (Н. Хомский, 1965), которые никогда не были объектом сознательного анализа носителя языка, то теперь словесный знак должен анализироваться не только с функциональной точки зрения, но и с металингвистической. Эта новая непривычная и специфическая работа со словом в качестве средства перевода и является тем центральным пунктом, который приводит к ошибке.

Ключевые слова: переводческая ошибка; гипноз слова; бессознательное; нейролингвистика; психолингвистика; русский язык; итальянский язык.

Для цитирования: Кобзева О.В. О причинах переводческих ошибок. *Казанский лингвистический журнал*. 2021;4(4): 565–581. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.565-581>

*Original article**Philology studies*<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.565-581>**ON CAUSES OF TRANSLATION ERRORS****O.V. Kobzeva***Institute for Linguistic Mediators of Pisa, Pisa, Italy
olgakobzeva80@gmail.com*

Abstract. The present study is aimed to investigate and analyse the causes of translation errors made by Italian students who study Russian as a foreign language, in order to provide possible explanations and to improve their translation ability. To this extend, the verbal sign is analysed from the point of view of psycholinguistics. A sign, as a chain of signifiers, can generate a series of associations, both connected and not connected to the signified, and as an external stimulus activates the unconsciousness. The unconsciousness is embedded in the act of thinking and participates in the thought along with consciousness, so generates associative connections based on the translator’s imagination and personal experience with the verbal sign, which leads to an erroneous understanding of the lexeme in the context. The unconsciousness can be manifested when student translates a text from his native language, Italian, into a non-native, Russian. And since the native lan-

guage is the unconscious knowledge of linguistic rules, or “competence” (N. Chomsky, 1965), so the competence has never been the object of the native speaker’s conscious analysis. But now the verbal sign should be analysed not only from a functional point of view, but from a metalinguistic one. This new specific work with a word, as an object of translation, is the central point that can lead to an error.

Keywords: translation error; hypnotic power of a word; unconsciousness; neurolinguistics; psycholinguistics; Russian; Italian language.

For citation: Kobzeva O.V. On Causes of Translation Errors. *Kazan linguistic journal*. 2021;4(4): 565–581. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.4.565-581>

В процессе десятилетней работы в итальянской аудитории стало возможным обозначить характерные трудности при переводе текстов с родного, итальянского, языка на русский язык, а также наметить пути их преодоления. В предлагаемой работе мы попытались обозначить причины, лежащие в основе переводческих ошибок учащихся, которые осваивают русский язык как иностранный. Учащиеся – это студенты переводческого факультета с родным итальянским языком.

Ранее нами была предложена классификация переводческих ошибок, где критериями и объектом контроля выступили переводческая компетенция, общая и филологическая образованность, уровень знаний иностранного языка и другие факторы. Согласно этой классификации, все переводческие ошибки были разделены на две основные группы: ошибки компетенции и исполнения.

К ошибкам компетенции были отнесены:

1. Искажение содержания оригинала, или ошибки смысла, поскольку такой перевод был непонятен. Выделение данного вида ошибки было обусловлено, в частности, непониманием значения лексемы в определенном контексте.

2. Неточная передача смысла оригинала или отдельных терминов, которая не приводит к полному искажению (и не приводит к *полному* непониманию со стороны получателя перевода), но значительно снижает качество перевода.

Примеры¹:

¹ Примеры взяты из переводов, выполненных в процессе самостоятельной работы студентов на занятии.

(1.1) Il documento è stato approvato dalle assemblee legislative delle 85 **entità** federali che compongono la Russia. – *Документ был принят законодательными собраниями 85 федеральных **сущностей**, входящих в состав России (вместо «субъектов Федерации»).

(1.2) L'**affidamento** dei figli [è disciplinato dalle norme introdotte con la Legge n.54]. – *Доверие детей (вместо «решение о том, с кем будет проживать ребенок»).

(1.3) I prodotti **da banco** per il mal di testa – ***Внебиржевые** препараты против головной боли (вместо «безрецептурные препараты»).

К ошибкам исполнения были отнесены случаи, при которых содержание текста оригинала в целом понятно, понятны коммуникативные задачи, однако наблюдается неумение передать грамматические явления ИЯ, вследствие чего присутствуют морфологические и синтаксические кальки, наблюдаются отклонения от литературных и стилистических норм языка перевода.

В данной работе речь пойдет о **причинах** переводческих ошибок, в частности о причинах ошибок компетенции (ошибки смысла). В письменной переводческой речи проявляется мышление, поэтому понимание движения мысли при формировании переводческого акта является ключом к объяснению ошибки перевода.

В литературе уже высказывались мнения о причинах переводческих ошибок: слабое владение иностранным языком, неумение преодолеть влияние текста оригинала, межъязыковая интерференция, неумение пользоваться словарем, отсутствие достаточных филологических познаний, усталость, демотивация, апатия и др. (В.Н. Комиссаров [1], Л.К. Латышев [2, 3], Н.К. Гарбовский [4], М.А. Куниловская [5], Л. Сальмон [6], Б. Озимо [7], Д. Робинсон [8]).

Однако нам кажется, что причину ошибок следует искать глубже. Мы попытались рассмотреть психологическую сторону проблемы и пришли к выводу, что причина ошибок кроется не столько в отсутствии определенных навыков, несформированности умений и даже, может быть, не в сознании.

Представляется, что причины ошибок смысла лежат в бессознательном.

На бессознательное указывает и Н.К. Гарбовский, говоря следующее об акте ошибки: «переводческие ошибки совершаются бессознательно» [4]. Такое утверждение в определенной степени и логично, и ожидаемо, поскольку кто же хочет сознательно совершать переводческий акт с ошибками. Но вопрос в другом. Почему бессознательное, то есть неконтролируемые сознанием процессы, встраиваются в акт мышления и обнаруживают себя в виде ошибки? Возможно, ответ заключается в том, что «большая часть нашей жизни определяется бессознательным», по мнению американского психолога М. Эриксона, а транс – это вообще «естественное состояние, который испытывал каждый» [9, с. 3, 6].

Возникает и такой вопрос: каким образом переводческий акт «приводит в действие» бессознательное? Какие процессы переводческого акта могут «отключать» сознание и почему?

Думается, что работа бессознательного и не «отключается» вовсе. Оно работает вместе с сознанием, и продукты нашей мыслительной деятельности суть не что иное, как совместная работа сознания и бессознательного, поскольку бессознательное «в норме координирует сознанию», как полагает К. Юнг [10, с. 12]. В бессознательном хранится «весь тот психический материал, который не достигает пороговой отметки сознания». А вся «лишняя» в настоящий момент информация, которой обладает индивид, перемещается в бессознательное, поскольку иначе «человек обладал бы феноменальной памятью, из которой ничто не может исчезнуть» [10, с. 11]. В то время как память, по утверждению А. Шопенгаура, «представляет собою нечто весьма несовершенное» [11, с. 138].

Таким образом, по мере поступления новых сведений память освобождает им место, а основная часть нашей информации хранится за пределами контроля сознания. Но и хранящиеся в памяти сведения не фиксируются четко сознанием. Ведь, как полагает З. Фрейд, «материал, которым располагает память,

подвергается, вообще говоря, двоякого рода воздействию: сгущению и искажению» [12, с. 272] и «производит известный выбор среди тех впечатлений, которыми она располагает» [12, с. 198].

Несовершенство памяти проявляется и в том, что хранящиеся там сведения могут и не появиться в нужный момент и не помочь их владельцу, так как постепенно «способность пользоваться материалом, накопленным памятью, <...> слабеет» [12, с. 223]. А порой память человека и вовсе избирательна и «обнаруживает особую предвзятость», то есть запоминаются только избранные события, а события, которые памяти «неудобны», не запоминаются (например, это события, связанные с деньгами, с их неоплатой [12, с. 233].

Бессознательное – это хранилище всего накопленного опыта индивида. «Содержания бессознательного обладают личностной природой, поскольку являются приобретениями индивидуального наличного бытия», по утверждению К. Юнга [10, с. 12].

И даже после перемещения в категорию бессознательного наши чувства, мысли и стремления к действию «продолжают мотивировать поведение, оказывают на него давление, переживаются в виде чувства тревожности и т. д.» [12, с. 25]. Поэтому сознание и бессознательное – это две стороны психики человека, которые взаимодействуют и дополняют друг друга.

Итальянский ученый Роберто Ассаджиоли подразделял бессознательное на «низшее» и «среднее», где за эмоции и потребности отвечает низшее бессознательное, а среднее бессознательное включает в себя накопленный опыт [13, с. 87].

Шопенгауэр определяет за бессознательным первичную роль всего сущего, в частности воли человека: «воля реализует свое бессознательное начало и проявляется в принципе жизни каждого живого существа» [11, с. 16].

Философ настаивает, что «все самобытное и поэтому все истинное в человеке, как таковое, действует, подобно силам природы, бессознательно». «Все истинные

и устойчивые свойства характера и души – первоначально бессознательны, и лишь как таковые производят они глубокое впечатление» [14, с. 439].

Сознанию же философ отводит второе место: «Все сознательное <...> есть уже позднейшее улучшение, преднамеренность». Что бессознательно, то естественно, а потому не трудно. «Что человек делает бессознательно, то не стоит ему никакого труда» [14, с. 439]. Перешедшее в бессознательное становится автоматизированным, в связи с чем и не фиксируется в процессе выполнения каких-либо актов.

А. Шопенгауэр признает несовершенство интеллекта и утверждает, что именно бессознательное есть «изначальное и естественное состояние всех вещей; следовательно, она [бессознательность] является той основой, из которой <...> вырастает сознание» [11, с. 138]. Сознание же, по мнению философа, ограничено и несовершенно.

З. Фрейд обнаруживает, что «бессознательное является неизбежной фазой психической деятельности каждого индивида: любой психический процесс начинается как бессознательный и только в дальнейшем осознается, но может так и остаться бессознательным, если на пути к сознанию встречает непреодолимую преграду» [15, с. 65].

Поскольку бессознательное стоит выше сознания, неудивительно, что его работа не прекращается ни на минуту.

В процессе практической работы над ошибками, а именно в процессе поиска причины ошибок, мы использовали метод ассоциаций, метод наблюдения и эксперимент. Мы пытались понять, каким образом слово или словосочетание могут приводить к ошибочному переводческому решению.

Рассуждая таким образом, мы пришли к другой проблеме. И эта проблема кроется в самом слове, а точнее в его *силе*. Мы обратились к работам психолога Л. Выготского [16], где автор настаивает на силе слова, так как слова – это не столько знаки, сколько *стимулы*, а «функциональное применение знака в качестве средства образования понятий» помогает ребенку установить его

значение. Знак представляет собой основу умственного развития индивида, так как сигнификативное употребление слова – это «ближайшая психологическая причина интеллектуального развития», способствующая «появлению высшей формы интеллектуальной деятельности».

С помощью только *слова* гипнотизер, например, или психотерапевт могут погрузить пациента в состояние транса, а о силе, которую заключает в себе слово, говорил еще Гиппократ (460–377 до н. э.): «У врача есть три средства: слово, трава, нож». Одним только словом лечили и исцеляли.

С появлением структурной лингвистики можно говорить не только о силе слова, но и об «актуализации означающих эффектов» [17, с. 6] и о силе *определенной последовательности* означающих, то есть фонем. В определенной последовательности означающих действительно скрыта сила, поскольку их замена в цепочке и перемена места порождает новый смысл (достаточно вспомнить, например, минимальные пары).

Следовательно, можно утверждать, что слово само по себе может приводить переводчика в такое состояние, в котором активизируется бессознательное. В литературе уже говорилось о влиянии текста оригинала, или о «гипнозе слова» (Влахов, Флорин [18], Латышев), то есть о той силе слова, когда оно может погружать человека в состояние транса. Но что такое гипноз и как он работает?

По определению И.П. Павлова, «гипноз – это пограничное состояние между бодрствованием и сном», когда «отдельные участки коры головного мозга заторможены» [13, с. 59].

Гипноз определялся и как состояние бодрствования, похожее на то, что «наблюдается у человека, сосредоточившегося на чем-либо» [13, с. 60]. Однако до сих пор нет четкого определения этому явлению, а сам гипноз мало изучен. Проблема определения гипноза состоит и в том, что «гипнотический транс – явление динамическое, то есть непостоянное» [13, с. 60], а порой невозможно и вовсе определить, находится ли человек в состоянии гипноза или нет.

Ведь сам индивид может и *не осознавать*, что находится в состоянии гипноза, а гипноз может быть как сознательным, так и бессознательным [13, с. 62]. Очень часто в процессе наблюдения на занятии приходилось слышать восклицания: «Как я мог такое написать/сказать/сделать».

По утверждениям ученого И.П. Павлова, слово – одно из самых важных факторов влияния. В состоянии гипноза словесные процессы индивида пассивны, а мозг легко поддается воздействию идее, поступающей от внешнего раздражителя [13, с. 62], в нашем случае – от определенной последовательности означающих.

Таким образом, гипноз – это способ воздействия на сознание, при котором снижается самоконтроль и способность управлять волей и интеллектом. Под гипнотическим воздействием слова мозг не перерабатывает поступающую информацию, не обрабатывает, таким образом, денотируемые словом понятия.

Думается, что в этот момент и проявляется бессознательное, когда при поиске нужного значения слова в акт мышления встраиваются внутренние ассоциативные связи по смежности, продиктованные бессознательным. У Л. Выготского находим, что в акте мышления лежат как минимум две тенденции: «репродуктивная, или ассоциативная», которая заключается в том, чтобы «вызвать в течении представлений те из них, которые в прежнем опыте были ассоциативно связаны с данным» (а прежний опыт, напомним, хранится и в бессознательном), и «персеверативная тенденция – тенденция каждого представления возвращаться и снова проникать в течение представлений» [16, с. 113].

Но есть ли та грань, которая не допускает в акт мышления психологические и ассоциативные связи, хранящиеся в бессознательном? Ответ, как мыслится, отрицательный, поскольку, как уже было сказано, акт мышления есть совместная работа сознания и бессознательного. А проследить алгоритм принятого студентом переводческого решения, включая промежуточные звенья, не всегда представляется возможным вследствие того, что информация о нем вытес-

нилась из области сознания. Как утверждает Л.К. Латышев, переводчик «может помнить то, *что он создал*, и не помнить, *как создал*» [3, с. 7], реализуя на переводческой практике мысль Л. Выготского о том, что любое сознательное действие оказывается неосознанным, так как **внимание** в этот момент направлено на **акт самого действия**, но не на то, как это действие совершить [16, с. 204].

Таким образом, выводы А. Шопенгауэра о несовершенстве памяти и о присутствии другой области, где эти знания могут все-таки храниться, доказаны и переводческой практикой.

Но одно ли только бессознательное «виновно» в совершении ошибок смысла? Несомненно то, что бессознательное воспроизводит внутренние эмпирические связи, не связанные с означаемым (понятием). Далее мы увидим, что существуют и *типы мышления*, которые могут породить ошибочные звенья в цепи рассуждений, и переводчик основывается изначально на ложной посылке.

Продолжая мысль об ассоциативном мышлении, мы не исключаем, что другая проблема в мыслительной деятельности переводчика – это проблема *самого мышления*. Как известно, работа переводчика над каким-либо словом строится по связи, то есть сцеплению мыслей, где одно звено порождает другое, логически и ассоциативно с ним связанное.

Однако, как показывают наблюдения, слово активизирует и ассоциативно *не связанные* с ним звенья. Эти звенья могут связываться на основании **впечатлений** и эмпирических субъективных связей, которые с точки зрения логики и отношения к общности можно назвать «бессвязная связность» [16, с. 126]. Этот тип мышления представляет собой неоправданное обобщение массы понятий, которые соединяются на основании единого только впечатления. Впечатления от вещей, вызываемых денотатом, выдаются за объективную связь вещей, ведь эмотивная память, так же как и впечатления от вещей, располагается не только в сознании, но и в бессознательном.

Второй тип «проблемного» мышления – это мышление «в комплексах» (Л. Выготский): «комплекс» – способ мышления, который ведет «к образова-

нию связей, к установлению отношений между различными конкретными впечатлениями, упорядочению и систематизации всего опыта» мыслящего. Мышление в таких «комплексах» представляет собой «обобщения отдельных конкретных предметов и вещей, объединенных уже не на основании только субъективных связей, установленных во впечатлении, но на основе объективных связей, действительно существующих между предметами» [16, с. 128].

Однако слабым местом мышления в «комплексах» остается высокий удельный вес обобщений отдельных **конкретных** предметов и вещей и отсутствие абстрактности, то есть такое мышление конкретно и субъективно.

Нам думается, что причина ошибок может крыться именно в формировании такой «бессвязной связности» и «комплексов» вследствие прямой зависимости впечатлений от вещей и воображения, на которых переводчик строит свою цепь рассуждений. Учащийся видит связь и зависимость понятий там, где их нет. Переводческие решения, принятые на основе «бессвязной связности» и «комплексов», характеризуются особой логикой, где ошибка обнаруживается уже в первой посылке. В его акте мышления отношение между знаком и понятием устанавливается не на основании объективных связей, но на основании впечатлений, воображения (ложной аналогии и смежности) и личного опыта² переводчика с этим словом, что приводит к неоправданным сближениям, отдалениям и вообще к «скачкам» в мышлении.

Конкретность мышления проявляется и в том, что переводчик начинает «подгонять» новую модель речевой ситуации под уже известную ему модель (связь по аналогии), поскольку такие переводческие решения «низкозатратные» с точки зрения мыслительных процессов.

В литературе говорят о неумении преодолеть влияние текста оригинала как о причине переводческих ошибок, но так ли это? Действительно ли влияние

² Личный опыт при этом может и не осознаваться, а лежать в бессознательном и активизироваться машинально.

текста является причиной? Не идет ли речь о *следствии*, как о готовом продукте, о результате уже законченного процесса? Называя такую причину, невозможно уловить непосредственно динамику самого процесса, его развитие, а именно начало, течение и конец. Нам думается, что влияние текста оригинала – это скорее *следствие* активизированных в бессознательном процессов, которые были приведены в действие цепочкой означающих. Причиной же является именно определенная последовательность означающих, или «зрительный знак» [11, с. 859]. Чувство зрения возбуждает в сознании и бессознательном впечатления и образы, которые в свою очередь *вливают* на восприятие и понимание.

Говоря о причинах ошибок, Н.К. Гарбовский предлагает искать их «в недостаточной образованности переводчика». Ученый выделяет такие причины ошибок, как «недостаточность когнитивного опыта как языкового, так и внеязыкового, а также недостаточная образованность переводчика». При этом «недостаточная образованность выражается в слабом знании языка и недостаточном понимании текста оригинала, а недостаток филологической образованности может приводить к невнимательному прочтению текста» [4, с. 514].

Думается, что проблемой молодого переводчика может быть не столько недостаточность когнитивного опыта, сколько **неумение к нему обратиться**, то есть неумение **распространить этот опыт на новые модели**. Что, в сущности, еще раз говорит о том, что начинающий переводчик мыслит конкретно. Это неумение может крыться и в том, что этот опыт машинален и не осознается.

Такое объяснение дает, например, Л. Выготский, когда говорит о неумении ребенка (а порой и взрослого) применить известную переменную к новым обстоятельствам. Например, ребенок совершенно уверенно в бытовых ситуациях пользуется союзом «потому что», то есть в ситуациях, когда он *не задумывается* над этим союзом и *привык* его употреблять. Но когда объектом контроля становится именно этот союз, то ребенок обнаруживает неспо-

способность применить его к специально созданным моделям, где требуется осознанно и произвольно сделать то, что неосознанно у него получается много раз (например, ребенка просят продолжить предложение: «Этот человек упал с велосипеда, потому что...», и ребенок отвечает: «Потому что он сломал себе руку» [16, с. 129], хотя в быту употребляет сложноподчиненные предложения с этим союзом без трудностей).

Мы, вслед за Л. Выготским, также полагаем, что причина ошибок кроется в осознанной работе со знаком, намеренном его использовании.

Не исключено, что в быту переводчик правильно понимает, интерпретирует слова и употребляет их. Но в переводе, то есть в ситуации, когда слова, как знаки, становятся предметом работы, объектом внимания и контроля, их интерпретация, необходимость распространить на новые отношения вызывает трудности (большинство ошибок возникает, напомним, при переводе с *родного* языка на *неродной*).

Это объясняется тем, что родной язык – это привычные, неосознаваемые языковые знания и речевые навыки, или компетенция (“competence”, [19]), которая никогда не была объектом анализа, а речевое развитие было спонтанным. Ведь чем больше мы пользуемся каким-нибудь словом, тем меньше его осознаем. Видимо, так действует закон осознания, сформулированный Клапаредом [16, с. 194].

Однако этот закон не действует при переводе с иностранного на родной язык. Если перевод выполняется с *неродного*, русского, на *родной*, итальянский, то в этом случае *неродной* язык выступает объектом контроля и *сознания* (то есть логики, памяти и концентрированного внимания), следовательно, переводческий выбор будет осознанным, а не спонтанным. Здесь мы обнаруживаем высокую степень наблюдательности, слова осознаются как «орудия мысли» [16, с. 189], а не как ярлыки вещей.

В своем же родном языке индивид не привык образовывать понятия и выводить значения слов из контекста, так как с детства усваивал «от взрослых

готовые значения слов» [16, с. 138], поэтому и пользуется уже готовыми словосочетаниями. Процесс его мышления не самостоятелен и не идет дальше слов. Но ведь *понятие* может и не охватываться только одним словом (как в случае с “*affidamento dei figli*”, которому в русском соответствует целая фраза: «решение о том, с кем будет проживать ребенок»).

Теперь же носителю языка приходится самостоятельно работать над значением слова и понимать смысл в контексте, к чему у него нет навыка. И совершенно закономерно то, что он делает это *пока* примитивно, с помощью «бессвязной связности» и «комплекса», то есть с помощью операций и обобщений, построенных на субъективных эмпирических связях и впечатлениях от слова.

Стоит отметить, что такой тип комплексного мышления не является «прерогативой» только молодых переводчиков.

Как указывает Л. Выготский, мышление в комплексах – генетически обусловленный и естественный тип мышления, следы которого прослеживаются при образовании новых понятий. Так, в этимологии слова можно найти неожиданные переносы значения, «которые указывает на то, что в основе их лежит механизм комплексного мышления» [16, с. 152]. Например, «мышь» означает «вор», «бык» – «ревущий», а «дочь» изначально означало «доильщица». Современное «вилка штепселя» передает образ «столовой вилки». Или современное итальянское слово “*penna*”, «ручка», происходит от “*penna d’oca*” – «гусиное перо».

Но по прошествии времени «образ стирается, забывается и вытесняется из сознания говорящего, и связь между звуком и понятием, как значением слова, становится для нас уже непонятной» [16, с. 153].

Следующая причина, которая приводит к ошибкам, заключается в том, что письменный перевод – это письменная речь. А письменная речь отличается от устной более строгой нормой, отсутствием эллиптичности и высокой степенью абстрактности. Это речь без собеседника, это разговор с «белым листом бумаги» [16, с. 153], это работа с символами, что требует от переводчика

«двойной» [16, с. 221] абстракции, дополнительных когнитивных затрат. И не следует забывать, что любой речи, как и любой деятельности в целом, предшествует мотив, то есть то, ради чего создается высказывание. Перевод – это деятельность по работе с *чужим* мотивом, чужой побудительной деятельностью, где требуется *чужую* речь «в слова облечь» (И.В. Гете).

Заканчивая наши рассуждения, приведем в пример известное высказывание И.В. Гете: «Кто не знает ни одного иностранного языка, тот не знает и своего собственного» [16, с. 248], которое применительно к нашему исследованию перефразируем так: человек не знает своего собственного языка и не задумывается над ним, пока не начнет изучать иностранный.

Об этом говорил еще Л.В. Щерба. Ученый полагал, что носитель определенной языковой системы не замечает, как он говорит, не замечает своих ошибок, так как его речь строится на бессознательно усвоенном «ощущении нормы» [20, с. 31]. И только иностранцы могут заметить ошибку, поскольку у них развивается наблюдательность по отношению к изучаемому иностранному языку. Например, иностранцы слышат <к> или <т> там, где мы говорим <ч>, «врач», или они слышат <их> в окончании <ий>, «русский»; их очень удивляет, почему говорят «сколько время», а не «сколько времени», ведь «сколько» требует родительного падежа.

Итак, мы попытались взглянуть на причину ошибок с точки зрения психолингвистики, то есть с точки зрения вербального знака и психологии мыслительной деятельности.

Мы увидели, что в основе порождения ошибочного переводческого решения лежат следующие причины:

- 1) непонимание отношения между знаком и понятием; неспособность к логике отношений;
- 2) «интеллектуальный реализм» [16, с. 26], то есть мышление по типу «бессвязной связности» и «комплекса», где ассоциативные звенья порождаются не объективными связями, а впечатлениями, воображением, ложной аналогией и смежностью, корни которого лежат в бессознательном;

3) недостаточность дедукции, минимальная степень абстракции, неспособность к самонаблюдению и контролю, неспособность критически оценить свою работу, как мыслительную, так и практическую;

4) перевод, как письменный вид речи, требует особой психической и умственной нагрузки, большого напряжения всей работы мысли, где побуждением к деятельности является не свой, а чужой мотив;

5) не все учащиеся обнаруживают способность к «двойной» абстракции.

Молодому переводчику не достает объективности и абстракции в отношении к знакам. Однако незрелость психики преодолевается взрослением, поэтому и количество ошибок будет уменьшаться по мере взросления индивида. Высшие психические функции, благодаря опыту и ответственной переводческой работе, будут повышать уровень самоконтроля и самокритики, а зависимость мыслительных актов от субъективных ассоциативных связей, основанных на впечатлении, ложной аналогии и смежности, будет снижаться.

Литература

1. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа; 1990.
2. Латышев Л.К. *Технология перевода*. Москва: «Академия»; 2005.
3. Латышев Л.К. *Проблемы теории, практики и методики преподавания перевода*. Москва: «Просвещение»; 1988.
4. Гарбовский Н.К. *Теория перевода*. Москва: Издательство Московского университета; 2004.
5. Куниловская М.А. Классификация переводческих ошибок для создания разметки в учебном параллельном Russian Learner Translator Corpus: Лингвистика и перевод. Тюмень: *Lingua mobilis*. 2013;1(40): 141–158.
6. Salmon L. *Teoria della traduzione*. Milano: Angeli; 2017.
7. Osimo B. *Manuale del traduttore*. Milano: Hoepli; 2019.
8. Robinson D. *Becoming a Translator*. Routledge; 2019.
9. Эрикссон М. *Мой голос останется с вами*. Москва: «XXI век»; 1995.
10. Юнг К.Г. *Сознание и бессознательное*. Москва: «Академический проект»; 2009.
11. Шопенгауэр А. *Полное собрание сочинений в 6 т.: т. 2, т. 3*. Москва; 1910, (переиз. 2001): 132–144, 851–862.
12. Фрейд З. *Психология бессознательного*. Санкт-Петербург: «Питер»; 2002.
13. Монахова И.А. *Учебник гипноза. Как уметь внушать и противостоять внушению*. Москва: «Рипол классик»; 2010.

14. Гуревич П.С. *Философия: учебник для СПО*. Москва: Издательство «Юрайт»; 2018.
15. Рожков Н.Т. *Психоаналитическая педагогика: теория и технологии*. Орел: «МАБИВ»; 2013.
16. Выготский Л.С. *Мышление и речь*. Москва: Издательство «Лабиринт»; 1999.
17. Лакан Ж. *Семинары. Образования бессознательного*. Книга 5. Москва: «Гнозис/Логос»; 2002.
18. Влахов С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. Москва: «Международные отношения»; 1980.
19. Chomsky N. *Aspect of the Theory of Syntax*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology; 1965.
20. Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*. Москва: «Наука»; 1974.
21. Гете И.В. *Фауст*, пер. Б.Пастернака. Москва: «Азбука»; 2021.
22. Де Соссюр Ф. *Курс общей лингвистики*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 1999.
23. Кобзева О.В. *К вопросу об ошибках в переводе студентов-италофонов: Сборник материалов VII Международного форума ИФТЕ*. Казань; 2021.
24. Суворова А.Н. *Введение в философию*. Киев: Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры; 2005.

References

1. Komissarov V.N. *Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola; 1990.
2. Latyshev L.K. *Translation technology*. Moscow: “Akademiya”; 2005.
3. Latyshev L.K. *Problems of theory, practice and methods of teaching translation*. Moscow: «Prosveshcheniye», 1988.
4. Garbovsky N.K. *Theory of translation*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 2004.
5. Kunilovskaya M.A. Classification of translation errors for creating markup in the educational parallel Russian Learner Translator Corpus: Linguistics and translation. Tyumen: *Lingua mobilis*. 2013;1(40): 141–158.
6. Salmon L. *Theory of translation*. Milan: Angeli; 2017. (In Italian)
7. Osimo B. *Translator's manual*. Milan: Hoepli; 2019. (In Italian)
8. Robinson D. *Becoming a Translator*. Routledge; 2019.
9. Erikson M. *My voice will stay with you*. Moscow: “XXI vek”; 1995.
10. Jung K.G. *Consciousness and the unconscious*. Moscow: “Akademicheskiiy proyekt”; 2009.
11. Schopenhauer A. *Complete works in 6 volumes: vol. 2, vol. 3*. Moscow; 1910, (repr. 2001): 132–144, 851–862.
12. Freud S. *Psychology of the unconscious*. St. Petersburg: “Piter”; 2002.

13. Monakhova I.A. *Textbook of hypnosis. How to be able to inspire and resist suggestion*. Moscow: “Ripol klassik”; 2010.
14. Gurevich P.S. *Philosophy: textbook for SPO*. Moscow: Izdatel'stvo “Yurayt”; 2018.
15. Rozhkov N.T. *Psychoanalytic pedagogy: theory and technology*. Oryol: “MABIV”; 2013.
16. Vygotsky L.S. *Thinking and speech*. Moscow: Izdatel'stvo “Labirint”; 1999.
17. Lacan J. *Seminars. The formation of the unconscious*. Book 5. Moscow: “Gnozis/Logos”; 2002.
18. Vlahov S., Florin S. *Untranslatable in translation*. Moscow: “Mezhdunarodnyye otnosheniya”; 1980.
19. Chomsky N. *Aspect of the Theory of Syntax*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology; 1965.
20. Shcherba L.V. *Language system and speech activity. About the threefold aspect of linguistic phenomena and about an experiment in linguistics*. Moscow: Nauka; 1974.
21. Goethe I.V. *Faust*, trans. B.Pasternak. Moscow: “Azbuka”; 2021.
22. De Saussure F. *General Linguistics course*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 1999.
23. Kobzeva O.V. *On the issue of errors in the translation of students-Italophanes: A collection of materials of the VII International Forum IFTE*. Kazan; 2021.
24. Suvorova A.N. *Introduction to Philosophy*. Kyiv: Biblioteka Fonda sodeystviya razvitiyu psikhicheskoy kul'tury; 2005.

Автор публикации

Кобзева Ольга Викторовна –
магистр прикладной лингвистики и перевода,
преподаватель русского языка как иностранного,
теории и практики перевода
Высшая школа перевода, г. Пиза, Италия
Email: olgakobzeva80@gmail.com

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31.09.2021
Одобрена после рецензирования: 15.11.2021
Принята к публикации: 18.11.2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of publication

Kobzeva Olga Viktorovna –
Master of Applied Linguistics and Translation,
teacher of Russian as a foreign language, and Theory and Practice of Translation
Institute for Linguistic Mediators of Pisa, Pisa, Italy
Email: olgakobzeva80@gmail.com

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 31.09.2021
Approved after peer reviewing: 15.11.2021
Accepted for publication: 18.11.2021

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.